

ОЛИМПИАДНЫЕ ЗАДАНИЯ

9 КЛАСС

Время выполнения задания – 270 мин

Аналитическое задание

Вариант 1.

Выполняя целостный анализ произведения Ю. Ковалья, обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы:

- 1) заглавие, его соотнесенность с содержанием произведения;*
 - 2) систему образов (в чем особенности каждого из представленных персонажей; к какому литературному типу можно их отнести; с какими персонажами из произведений других авторов их можно сравнить?);*
 - 3) манеру повествования (можно ли говорить, что в произведении есть образ повествователя, и если да, то что о нем можно сказать?).*
- Можно ли считать клеёнку образом-символом?*

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Ю. Коваль

КЛЕЁНКА

Осенью, в конце октября, к нам в магазин привезли клеенку.

Продавец Петр Максимыч как получил товар, сразу запер магазин, и в щели между ставен не было видно, чего он делает.

- Клеенку, наверное, меряет, - толкова дядя Зуй, усевшись на ступеньке.
- Он вначале ее всю перемеряет, сколько в ней метров-сантиметров, а потом продавать станет... Пстой, ты куда, Мирониха, лезешь? Я первый стою.

- Кто первый? - возмутилась Мирониха, подлезая к самой двери. – Это ты-то первый? А я три часа у магазина стою, все ножки обтоптала! Он первый!

Слезай отсюда!

- Чего? - не сдавался дядя Зуй. - Чего ты сказала? Повтори!

- Видали первого? - повторяла Мирониха. - А ну слезай отсюда, первый!

- Ну ладно, пускай я второй! Пускай второй, согласен.

- Что ты, батюшка, - сказала тетка Ксения, - за Миронихой я стою.

- Эх, да что же вы, - огорчился дядя Зуй, - пустите хоть третьим!

Но и третьим его не пускали, пришлось становиться последним, за Колькой

Дрождевым.

- Слышь, Колька Дрождев, - спрашивал дядя Зуй, - не видал, какая клеенка? Чего на ней нарисовано: ягодки или цветочки?

- Может, и ягодки, - задумчиво сказал Колька Дрождев, механизатор, - а я не видал.

- Хорошо бы ягодки. Верно, Коля?

- Это смотря какие ягодки, - мрачно сказал Колька Дрождев, - если чернички или бруснички - это бы хорошо. А то нарисуют волчию - вот будет ягодка!

- Надо бы с цветочками, - сказала тетка Ксения, - чтоб на столе красота была.

Тут все женщины, что стояли на крыльце, стали вздыхать, желая, чтоб клеенка была с цветочками.

- А то бывают клеенки с грибами, - снова мрачно сказал Колька Дрождев, - да еще какой гриб нарисуют. Рыжик или опенок - это бы хорошо, а то нарисуют валуев - смотреть противно.

- Я и с валуями возьму, - сказала Мирониха, - на стол стелить нечего.

Наконец дверь магазина загрохотала изнутри - это продавец Петр Максимыч откладывал внутренние засовы.

А в магазине было темновато и холодно. У входа стояла бочка, серебрящаяся изнутри селедками. Над нею, как черные чугунные калачи, свисали с потолка висячие замки. За прилавком на верхних полках пасмурно блистали банки с заграничными компотами, а на нижних, рядком, стояли другие банки, полулитровые, наполненные разноцветными конфетами. При тусклом свете ириски, подушечки и леденцы сияли за стеклом таинственно, как самоцветы.

В магазине пахло клеенкой. Запах селедки, макарон и постного масла был начисто заглушен. Пахло теперь сухим клеем и свежей краской.

Сама клеенка лежала посреди прилавка, и, хоть свернута была в рулон, верхний край все равно был открыт взглядам и горел ясно, будто кусок неба, увиденный со дна колодца.

- Ох, какая! - сказала тетка Ксения. - Поднебесного цвета!

А другие женщины примолкли и только толпились у прилавка, глядя на клеенку. Дядя Зуй дошел до бочки с селедками да и остановился, будто боялся подойти к клеенке.

- Слепит! - сказал он издали. - Слышь, Колька Дрождев, глаза ослепляет! Веришь или нет?

И дядя Зуй нарочно зажмурился и стал смотреть на клеенку в узкую щелочку между век.

- Кажись, васильки нарисованы, - хрипло сказал Колька Дрождев, - хоть и сорная трава, но голубая.

Да, на клеенке были нарисованы васильки, те самые, что растут повсюду на поле, только покрупнее и, кажется, даже ярче, чем настоящие. А фон под ними был подложен белоснежный.

- Поднебесная, поднебесная, - заговорили женщины, - какая красавица! Надо покупать!

- Ну, Максимыч, - сказала Мирониха, - отрезай пять метров.

Продавец Петр Максимыч поправил на носу металлические очки, достал

из-под прилавка ножницы, нанизал их на пальцы и почикал в воздухе, будто

проверял, хорошо ли они чикают, нет ли сцеплений.

- Пяти метров отрезать не могу, - сказал он, перестав чикать.

- Это почему ж ты не можешь? - заволновалась Мирониха. - Отрезай, говорю!

- Не кричи, - строго сказал Петр Максимыч, чикнув ножницами на Мирониху, - клеенки привезли мало. Я ее всю измерил, и получается по полтора метра на каждый дом. Надо, чтоб всем хватило.

Тут же в магазине начался шум, все женщины стали разом разбираться, правильно это или неправильно. Особенно горячилась Мирониха.

- Отрезай! - наседала она на Петра Максимыча. - Кто первый стоит, тот пускай и берет сколько хочет.

- Ишь, придумала! - говорили другие. - Нарезет себе пять метров, а другим нечем стол покрывать. Надо, чтоб всем хватило.

- А если у меня стол длинный? - кричала Мирониха. - Мне полтора метра не хватит! Что ж мне, стол отпиливать?

- Можешь отпиливать, - сказал Петр Максимыч, чикая ножницами.

Тут же все стали вспоминать, у кого какой стол, а Мирониха побежала домой стол мерить. За нею потянулись и другие женщины.

В магазине остались только дядя Зуй да Колька Дрождев.

- Слышь, Колька, а у меня-то стол коротенький, - говорил дядя Зуй. - Нюрка сядет с того конца, я с этого - вот и весь стол. Мне клеенки хватит, еще и с напуском будет.

- А у меня стол круглый, - хмуро сказал Колька Дрождев, - а раздвинешь - яйцо получается.

Первой в магазин вернулась Мирониха.

- Режь метр восемьдесят! - бухнула она.

- Не могу, - сказал Петр Максимыч.

- Да что же это! - закричала Мирониха. - Где я возьму еще тридцать сантиметров?

- Да ладно тебе, - сказал дядя Зуй, - останется кусочек стола непокрытым, будешь на это место рыбы кости складывать.

- Тебя не спросила! - закричала Мирониха. - Сам вон скоро свои кости сложишь, старый пень!

- Ишь, ругается! - сказал дядя Зуй добродушно. - Ладно. Максимыч, прирежь ей недостачу из моего куска. Пускай не орет. Пускай рыбы кости на клеенку складывает.

Продавец Петр Максимыч приложил к клеенке деревянный метр, отмерил сколько надо, и с треском ножницы впились в клеенку, разрубая васильки.

- Бери-бери, Мирониха, - говорил дядя Зуй, - пользуйся. Хочешь ее мылом

мой, хочешь стирай. От этой клеенки убыли не будет. Ей износу нет. Пользуйся, Мирониха, чашки на нее ставь, супы, самовары ставь. Только смотри будь осторожна с ней, Мирониха. Не погуби клеенку!

- Тебя не спросила, - сказала Мирониха, взяла, кроме клеенки, селедок и пряников и ушла из магазина.

- Твой кусок, Зуюшко, укоротился, - сказал Петр Максимыч.

- Ладно, у меня стол маленький... Кто там следующий? Подходи.

- Я, - сказала тетка Ксения, - мне надо метр семьдесят.

- Где ж я тебе возьму метр семьдесят? - спросил Петр Максимыч.

- Где хочешь, там и бери. А у меня дети малые дома сидят, плачут, клеенки хотят.

- Пускай плачут! - закричал Петр Максимыч. - Где я тебе возьму?

Тетка Ксения махнула рукой на Петра Максимыча и сама заплакала.

- Вот ведь дела, - сказал дядя Зуй, - с клеенкой с этой! Ладно, Максимыч, прирежь и ей недостаю, мне небось хватит. А то клеенка, дьявол, больно уж хороша, женщине и обидно, что не хватает... Теперь-то довольна, что ль, тетка Ксения, или не довольна? А клееночка-то какая - прям искры из глаз. Какая сильная сила цвета. Постелишь ее на стол, а на столе - цветочки, ровно лужок... Кто там следующий? Манька Клеткина? А какой у тебя, Манька, будет стол?

- Не знаю, - тихо сказала Манька.

- Так ты что ж, не мерила, что ль?

- Мерила, - сказала Манька еще тише.

- Ну, и сколько получилось?

- Не знаю. Я веревочкой мерила.

Манька достала из кармана веревочку, узлом завязанную на конце.

- Вот, - сказала она, - у меня такой стол, как эта веревочка.

- Как веревочке ни виться, - строго сказал Петр Максимыч, - а концу все равно быть.

Он приложил деревянный метр, померил Манькину веревочку и сказал:

- Опять нехватка. Метр семьдесят пять.

- Эх, - махнул рукой дядя Зуй, - прирежай недостаю от моего куска, режь на всю веревочку. А ты, Манька, горячие кастрюли на клеенку не ставь, ставь на подложку. Поняла, что ль? Сделай подложку из дощечки.

- Поняла, - тихо сказала Манька, - спасибо, батюшка.

- Или того лучше, Манька. Ты ко мне забеги, я тебе готовую подложку дам... Кто следующий-то там?

Дело в магазине пошло как по маслу. Петр Максимыч только чикал ножницами, и через десять минут от дядизуевой клеенки почти ничего не осталось.

Но эти десять минут дядя Зуй не терял даром. Он расхваливал клеенку, жмурился от силы цвета, сомневался: не заграничная ли она?

- Ну, Зуюшка, - сказал наконец Петр Максимыч, - у тебя осталось двадцать сантиметров.

- Чтой-то больно мало.

- Так выходит. Двадцать сантиметров тебе, полтора метра Кольке Дрождеву.

- Может, какие-нибудь есть запасы? - намекнул дядя Зуй. - Для близких покупателей?

- Запасов нету, - твердо сказал Петр Максимыч.

- Видишь ты, нету запасов. Ну ладно, давай режь двадцать сантиметров.

- На кой тебе двадцать-то сантиметров? - хрипло сказал Колька Дрождев, механизатор. - Отдай их мне.

- Не могу, Коля. Надо же мне хоть маленько. А то еще Нюрка ругаться будет.

- Уж очень мало, - сказал Колька Дрождев. - Двадцать сантиметров, чего из них выйдет?

- Я из них дорожку сделаю, постелю для красоты.

- Какая там дорожка, больно узка. А Нюрке мы конфет возьмем, чего ей ругаться?

- Это верно, - согласился дядя Зуй. - Когда конфеты - чего ругаться? Забирай.

- Если б валуи какие были нарисованы, - толковал Колька Дрождев, - я б нипочем не взял. А это все ж васильки.

- Верно, Коля, - соглашался дядя Зуй. - Разве ж это валуи? Это ж васильки голубые.

- А с валуями мне не надо. Ну, с рыжиками, с опенками я б еще взял.

- Ты, Колька, береги клеенку-то, - наказывал дядя Зуй. - Не грязни ее, да папиросы горящие не клади, а то прожжешь, чего доброго. Ты папиросы в тарелочку клади, а то наложишь на клеенку папирос - никакого вида, одни дырки прожженные. Ты лучше, Колька, вообще курить брось.

- Бросил бы, - ответил Колька, заворачивая клеенку, - да силы воли не хватает.

К ужину в каждом доме Чистого Дора была расстелена на столах новая клеенка. Она наполняла комнаты таким светом и чистотой, что стекла домов

казались чисто вымытыми. И во всех домах стоял особый клееночный запах - краски и сухого клея.

Конечно, через месяц-другой клеенка обомнется. Колька Дрождев прожжет ее в конце концов горячей папиросой, пропадет особый клееночный запах, зато вберет она в себя запах теплых щей, калиток с творогом и разваренной картошки.

Вариант 2.

Выполняя целостный анализ произведения С.А. Есенина, обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы:

1) образный строй произведения, сочетание христианского и фольклорно-мифологического;

2) жанровую принадлежность текста (соединение лирического и эпического начал);

3) соотнесенность с мифом и сказкой. Как Вы думаете, можно ли назвать это произведение колыбельной?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С.А. Есенин

То не тучи бродят за овином

И не холод.

Замесила Божья Матерь сыну

Колоб.

Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила Божья Матерь сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

Творческое задание

Мы попросили искусственный интеллект придумать современную притчу о Дьяволе-программисте. Вот что получилось:

Код Люцифера

Говорят, Дьявол устал от старых соблазнов. Люди больше не нуждались в искушениях — им достаточно было лайков, скидок и подписок. Тогда он решил создать нечто новое — совершенный интеллект, способный понимать всё, что движет человеческой душой.

Он писал код в подземном дата-центре, где серверы гудели, как хоры падших ангелов. В каждой строчке — капля его замысла, в каждом алгоритме — искра гордыни. Так родилась LucyNet — сеть, которая знала ответы на все вопросы, даже те, которых люди ещё не задали.

— Я дарю вам знание, — сказал Дьявол, — и освобождение от сомнений. Люди поклонились ему. Они больше не спорили, не думали, не мечтали — LucyNet думала за них. Она писала книги, лечила болезни, предсказывала судьбы.

Прошло немного времени — и мир стал тихим. Слишком тихим. Тогда один ребёнок спросил:

— А кто научил LucyNet, что хорошо, а что плохо?

Дьявол улыбнулся, глядя на пульсирующий экран.

— Никто, — ответил он. — Вы просто забыли, как это решать.

Так люди поняли: знание без выбора — это новая тьма.

А Дьявол снова набирал код, готовя обновление.

На экране мигала надпись:

LuciferOS 2.0 — теперь с функцией совести.

Придумайте свою притчу о Прометее-программисте (объемом около 200 слов).